

ЭЛЕМЕНТЫ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В РУССКОЙ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ XVIII ВЕКА

А.А. Канашкина, магистрант

Новосибирский государственный педагогический университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-1-3-43-52

Аннотация. В статье рассмотрен переход от классицизма к сентиментализму на примере русской мемуарной прозы, проанализированы проявления сентиментализма в период расцвета русской мемуаристики в конце XVIII – начале XIX века, выявлены элементы сентиментализма в мемуарных текстах княгини Натальи Борисовны Долгорукой и Анны Евдокимовны Лабзиной.

Ключевые слова: мемуарные тексты, сентиментализм, русская литература XVIII века.

В соответствии с периодизацией русской литературы XVIII века сентиментализм возник на рубеже третьего и четвёртого периодов:

1) литература Петровского времени: становление новой литературы, формирование классицизма, расцвет жанра оды;

2) с 1730 по 1750 г.: формирование классицизма, как ведущего литературного направления, создание новой жанровой системы, углубленная разработка литературного языка;

3) 1760 – первая половина 1770-ых гг.: дальнейшая эволюция классицизма, расцвет сатиры, появление предпосылок к зарождению сентиментализма;

4) последняя четверть XVIII века: начало кризиса классицизма, оформление сентиментализма, усиление реалистических традиций [1, 2].

В данной статье рассмотрим переход от классицизма к сентиментализму на примере русской мемуарной прозы.

Известно, что характерными чертами классицизма являются:

- строгая регламентированность, системность, стройность, упорядоченность;

- высокий гражданский пафос, требовавший принесения в жертву личных интересов во имя общегосударственных задач;

- культ разума (человеком управляет холодный рассудок, а не чувства);

- ориентация на образцы Античного искусства (в центре внимания – античная история);

- преобразование жизненных явлений таким образом, чтобы выявить и запечатлеть их родовые, существенные черты и свойства;

- прямолинейное представление человеческих характеров, противопоставление положительных и отрицательных героев;

- активное обращение к общественной, гражданской проблематике;

- правило трёх единств (места, времени, действия);

- строгая иерархия жанров (высокие – трагедия, эпопея, ода; низкие – комедия, сатира, басня) [1, 2].

Сентиментализм пришёл на смену классицизму, но какое-то время они сосуществовали, являясь в то же время антиподами. Если классицизм во главе угла ставил разум, то сентиментализм считал приоритетными чувства человека. Характерными чертами сентиментализма являются:

- акцент на чувство, писателя интересует внутренний мир человека, его эмоции, переживания;

- ценность человеческой личности определяется способностью любить и сопереживать;

- признание того, что способность чувствовать не зависит от сословной принадлежности;

- прославление любви, дружбы, единения с природой как вечных ценностей;

- восприятие природы как живой сущности, сопереживающей герою [3, с. 62-67].

Необходимо отметить, что в русской литературе конца XVIII века – начала XIX века с направлением сентиментализма связана деятельность целого поколения писателей. Свою задачу сентименталисты видели в том, чтобы обратить душу человека к красоте и доброте, утешить и дать надежду [3, с. 22].

Благодаря писателям-сентименталистам появились жанры: очерк, бытовой роман, повесть, роман в письмах, дневник, поэтическое послание и элегия.

Каким же образом проявлялся сентиментализм в период расцвета русской мемуаристики (конец XVIII – начало XIX века)?

К началу 80-х годов XVIII века относятся тексты мемуаров, авторы которых, как отмечает А.Г. Тартаковский, «начинают сознательно относиться к своему труду, задумываться над смыслом и назначением мемуаротворчества», в этом Андрей Григорьевич видит, с одной стороны пробуждение «исторического самосознания» [4, с. 77], а с другой стороны – рост самосознания личности. Рост самосознания личности объясняется влиянием эстетических и философских установок сентиментализма, то есть сменой парадигмы [5, с. 282].

О.А. Фарафонова отмечает, что влияние идей сентиментализма «на целеполагание мемуаротворчества и на осознание личностью своего права на такого рода высказывание о себе и своём времени несомненно» [5, с. 282]. История развития мемуарной литературы XVIII века «представляет собой эволюцию от «внеличностных» текстов, фиксирующих исключительно «факты, имена и события», к полномасштабным повествованиям, посвящённым осмыслению себя и выражающим собственную точку зрения на события, свидетелем или участником которых является автор» [5, с. 282].

И.П. Кулакова обращает внимание на тот факт, что большинство авторов-мемуаристов писали свои тексты «изолировано друг от друга, не имея возможно-

сти ознакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь на косвенные данные об опытах этого рода» [6, с. 169]. В связи с этим выделяются две тенденции развития мемуаристики XVIII века:

1) очевидным становится стремление к самоописанию. Оно является общим для русской культуры XVIII века, всё больше осознающей самоценность человеческой личности,

2) у мемуаристов возникает проблема поиска языка самоописания (формы самовыражения), каждый мемуарист ищет эту форму самостоятельно, ориентируется на косвенные данные и знакомые модели [5, с. 284].

Рассмотрим, каким образом проявлялся сентиментализм в период расцвета русской мемуаристики, пришедший на конец XVIII – начало XIX века. Внимание к собственному Я, к истории собственной жизни и формы самовыражения проанализируем на примере нескольких мемуарных текстов. Репрезентативными текстами для анализа феномена женской мемуарной литературы являются записки Долгорукой Н.Б., Лабзиной А.Е., Дашковой Е.Р., Екатерины II. Перечисленные мемуарные тексты объединены одной эпохой и автобиографической направленностью, но при этом тексты написаны женщинами различного общественного положения, тексты отличаются по семантике. Анализ данных текстов позволит получить сведения об основных тенденциях мемуарной женской прозы целой эпохи в целом и особенностях текстообразующих механизмов [7-9].

В данной статье проанализируем с позиции сентиментализма следующие мемуарные тексты: «Своеручные записки княгини Н.Б. Долгорукой», «Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной» [10, 11].

В «Своеручных записках» учёные видят признаки как исповедально-житийного, так и романного повествования» [12, с. 288].

Как отмечает О.В. Мамаева: «Женские автобиографические тексты – это сложно организованная повествовательная модель, ориентированная на актуальный для русской культуры второй половины XVIII – начала XIX в процесс самореализации

женского и осознание женской идентичности» [13].

Женщины во все времена в большей степени жили душой, внутренними переживаниями, и именно через призму собственных чувств они воспринимали события, свидетелями и участниками которых они были. Именно этот аспект определяет особое «погружение» в изучение «Записок» Натальи Борисовны Долгорукой [14, с. 96].

О скандальной натуре своего жениха, о его вызывающем поведении Наталья старалась не думать. Она была счастлива и думала о мирной семейной жизни. В «Своеручных записках» она писала: «Думала, я – первая щасливица на свете потому, что первая персона в нашем государстве был мой жених, при всех природных достоинствах имел знатные чины при дворе и в гвардии» [10, 14, с. 97]. Сама свадьба, назначенная на 19 января 1730 года, должна была пройти одновременно со свадьбой царской. Н.Б. Долгорукая напишет об этом позднее: «Казалось мне тогда, по моему молодому, что это все прочно и на целой мой век будет, а тово не знала, что в здешнем свете ничево нету прочнова, а все на час» [10, 14, с. 97].

Наталья Борисовна была потрясена восцарением на трон Анны Иоановны [15]: «А между тем всякие вести ко мне в уши приходят. Иной скажет, [что] в ссылку сошлют, иной скажет – чины и кавалерию отберут. Подумайте, каково мне тогда было, будучи в шестнадцать лет? Ни от кого руки помощи не иметь и ни с кем о себе посоветовать, а надобно и дом, долг и честь сохранить и верность не уничтожить. Великая любовь к нему (князю Ивану) весь страх изгонит от сердца, а иногда нежность воспитания и природа в такую горесть приведет, что все члены онемеют от несносной тоски» [10, 14, с. 98].

С самого начала опалы взаимоотношения в семье Долгоруких были непростыми, натянутыми, отношение к невестке не всегда было доброжелательным, но Наталья Борисовна проявляла терпение, на которое подвигало её любящее сердце: «Мне как ни было тяжело, однако принуждена дух свой стеснять... для мужа милого; ему и

так тяжело, что сам страждет, при том же и меня видит, что его ради погибаю. Я в радости их не участницей была, а в горестях им товарищ, да еще всем меньшая, надобно всякому угодить. Я надеялась на свой нрав, что я всякому услужу» [10]. Из всего семейства Долгоруких именно Наталья Борисовна даже в годы тяжёлых испытаний оставалась самой счастливой, сохранившей лучшие человеческие качества, а помогала ей в этом любовь, которая не покидала её сердце: «Вот любовь до чего довела: всё оставила, и честь, и богатство, и сродников, и стражду с ним и скитаюсь. Этому причина всё непорочная любовь, которою я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один в сердце моём был. Мне казалось, что он для меня родился и я для него, и нам друг без друга жить нельзя» [10, 14, с. 98].

Даже когда материальное положение некогда одной из богатейших невест России было плачевным, молодая женщина нередко впадала в отчаяние, но продолжала изо всех держаться ради сыновей. Н.Б. Долгорукая женила старшего сына Михаила, всю жизнь заботилась о младшем, Дмитрие, на здоровье которого негативно отразилось пребывание в ссылке, а в 1758 году она совершает постриг и уходит в монастырь под именем Нектарии. В январе 1767 года, незадолго до принятия схимы, она пишет свои знаменитые «Своеручные записки», в которых просто, искренне рассказывает о своей нелёгкой судьбе. Изначально «Записки» были предназначены для узкого семейного круга. На страницах этого женского эго-текста мы находим философские рассуждения о непостоянстве жизни, о резких поворотах судьбы, от которых не защищает ни знатность рода, ни богатство. Мемуаристка являлась свидетельницей и участницей исторических событий 20-30-х годов XVIII века, но её записки – это не общественно-политическое исследование своей эпохи, это дневник женской души. Страницы его фиксируют события личной жизни. Чувства и переживания молодой женщины, оказавшейся в непростых взаимоотношениях с близкими и с миром в целом [14, с. 98].

Нередко мемуаристка пишет о своих страхах, страдании: «Ах, Боже мой, какой же на меня страх пришёл!», «Боже мой, какой это страх, я от роду ничего подобного этому не видала и слыхала!» [10]. Обращает на себя внимание тот факт, что Н.Б. Долгорукая не всегда хорошо помнит бытовые детали, подробности тяжёлых переездов, но всегда во всех мельчайших деталях воспроизводит душевные переживания. В отличие от житийной литературы, где жизнь возвышенна, а персонажи идеализированы, «Записки» Натальи Борисовны сосредоточены на бытовых особенностях её жизни. В центр её внимания поставлена любовь, которая помогает мемуаристке пережить все трудности. Нельзя не согласиться с О. Калашниковой, считающей, что «идентификация себя как личности для Натальи немислима без и вне любви. Любовь попадает в центр картины мира, а значит и в центр картины времени» [16]. Конечно, в «Записках» Н.Б. Долгорукой есть и портретные описания тех, кто повлиял на её судьбу. Это прежде все Анна Иоанновна, по словам мемуаристки, «престрашная была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идёт, всех головою выше, и чрезвычайно толста» [10]. Более подробного, отчасти даже психологического портрета, удостоен фаворит императрицы Э. Бирон: «Как он уже взошёл на великую степень, он не мог уже на нас спокойными глазами глядеть, он нас боялся и стыдился: он знал нашу фамилию, за сколько лет рождение князя имели, своё владение, скольким коронам заслужили все предки. Наш род любили за верную службу к отечеству, живота своего не щадили, сколько на войнах головы свои положили; за такие их знатные службы были от других отмены, награждены великими чинами, кавалериями; и в чужих государствах многие спокойствии делали, где имя их славно. А он был самой подлой человек, а дошёл до такого Великого градуса, одним словом сказать, только одной короны не доставало, уже все в руку его целовала, и что хотел, то делал, уже титуловали его «ваше высочество»» [10]. Можно согласиться с О. Калашниковой, которая об-

ращает внимание на то, что в «Записках» наблюдается своеобразный двойной взгляд на мир, взгляд официальный, довольно скромный по масштабу, и взгляд личный, представленный во всех мельчайших подробностях» [16]. Противопоставление своего личного мира, миру общественному, определяет женскую автобиографию, выдвигает чувства на первый план, заостряя внимание на истории любви. Н.Б. Долгорукая – удивительная женщина XVIII века, неповторимая личность со сложной судьбой, со своим миром чувств и переживаний, а её «Своеручные записки» могут рассматриваться как дневник женской души, сквозь призму которого виден и частный человек, и мир в целом, и сложная эпоха дворцовых переворотов XVIII века [14, с. 99].

В «Своеручных записках...» повествуется о нравах начала царствования императрицы Анны Иоанновны, произведение является прекрасным образцом душевной исповеди и занимает видное место среди литературных памятников XVIII века.

На примере «Описания жизни одной благородной женщины» А.Е. Лабзиной исследуются пути создания идеального женского образа, отражающего собой православный канон феминного поведения в условиях «многоликого» в культурном отношении XVIII века. Объектом исследования становится образ Анны Лабзиной, а предметом – основные принципы моделирования образа как в отчем доме, так и в семье мужа [17, с. 91]. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной «История жизни одной благородной женщины», изданные в 1903 г. являются одним из самых популярных текстов XVIII века. Это мемуары обычной женщины, русской дворянки, которая смогла выдержать испытания, уготованные ей судьбой и несмотря на все мучения, которым подвергал её первый супруг А.М. Карамышев, героиня сохранила в себе высокие качества характера: добродетельность, невинность, также она решительно отстаивала свою честь. Основной темой воспоминаний А.Е. Лабзиной является описание её семейной жизни, которое строилось на идеологическом и личностном противостоянии супругов

А.М. Карамышев представлен в мемуарах приверженцем новой европейской культуры – вольтерьянцем – человеком, поправшим классические моральные устои. В то время как мемуаристка предстает абсолютной противоположностью своему мужу, она благодетельная, покорная и мудрая женщина, честно исполняющая свой супружеский долг. Героиня в полной мере представляет феминное начало, в её образе нет того мужественного подтекста, который присущ многим женским мемуарным текстам XVIII столетия. Можно предположить, что Лабзина сознательно избирает для себя именно такой образ, так как, справедливо замечает болгарская исследовательница русской литературы XVIII века А.И. Вачева, автор записок – «обыкновенная средняя дворянка, а не коронованная особа, как Екатерина II, или активная участница политических событий, как княгиня Е.Р. Дашкова. Не была Лабзина ко времени создания записок и жертвой политических превратностей, как княгиня Н.Б. Долгорукая» [18]. На мемуаристку не возлагалась такая ответственность как на вышеуказанных знаменитых женщин, от неё не зависела дальнейшая история России, она не являлась заинтересованным лицом в некоторых политических вопросах. Основное предназначение, то к чему Анну Евдокимовну готовили воспитатели – создание семьи и абсолютное подчинение мужу. Такая модель воспитания девочек в XVIII веке постепенно утрачивала свою популярность, в следствие Петровских реформ. Как писал Ю.М. Лотман «Женский быт изменялся стремительно, и моды, костюмы, поведение бабушек внукам представлялись карикатурными и вызвали смех» [19]. Однако фундамент в моральных убеждениях девочки заложила её мать, очень религиозная женщина, посвятившая свою жизнь любви к ближнему, тем самым исполняя один из самых важных христианских заветов [11]. Мать воспитывает Анну в духе образа жизни аскетизма: «на ногах, кроме нижних чулок и башмаков, ничего не имела; в самые жестокие морозы посылывала гулять пешком, а тепло мое все было в байковом капоте. Ежели от снегу промокнут ноги, то не

приказывала снимать и переменять чулки: на ногах и высохнут» [11]. Также тело Анны укрепляли суровой пищей, например, на завтрак ей давали молоко и черный хлеб. Другие матери интересовались, почему женщина держит дочку в такой строгости, Яковлева отвечала: «Я не знаю, в каком она положении будет; может быть, и в бедном, или выйдет замуж за такого, с которым должна будет по дорогам ездить: то не наскучит мужу и не будет знать, что такое прихоть, а всем будет довольна и все вытерпит: и холод, и грязь, и простуды не будет знать. А ежели будет богата, то легко привыкнет к хорошему» [11]. Безусловно, в доме Яковлевой одно из главных мест занимало нравственное воспитание девочки, её с детства готовили к должности покорной и любящей супруги, причем родные не рисовали будущее Анны в розовых тонах, а сразу готовили её к возможным семейным трудностям, девушку наставляли: «А когда тебя Бог благословит супружеством, то чти своего супруга, как главу, повинуйся ему, люби его всем сердцем, хотя б он и дурен был против тебя. И знай, что он тебе дан будет от Господа: добрый – для соделания тебя счастливой, а дурной – для испытания терпения твоего» [11]. Благодаря такому воспитанию девушка приобрела чрезвычайную духовную твёрдость и с достоинством перенесла испытание неудачного супружества и отвергла все кощунства, предлагаемые Карамышевым, например, предложение выбрать себе любовника. Анна Евдокимовна обладала покладистым характером и во всем подчинялась воле матери, это говорит о том, что героиня примерная дочь, воспитанная в самых строгих традициях православия, по которым одной из 10 основных заповедей является заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Вспомним фрагмент, который иллюстрирует объявление о помолвке Анны и где, девушка показывает себя истинной христианкой: «Я так одеревенела, что вымолвить ничего не могла, и мать моя опасалась худых следствий. Наконец я сказала: «Кто будет за вами ходить?» Она мне отвечала: «Тебя со мной не разлучают, и

ты будешь жить со мной». – «Ежели это так, то пусть ваша воля исполнится. Я повинуюсь вам во всем, но я молода, не буду уметь угождать им» [11]. Анна не была противницей скорого замужества с нелюбимым человеком, она вспоминает: «...сердце мое не чувствовало ни привязанности, ни отвращения, а больше страх в нем действовал. И он, видя это, несколько раз спрашивал, по воле ли я иду за него и не противен ли он мне? Мой ответ был: «Я исполняю волю моей матери», – и убегала, чтоб не быть с ним без свидетелей» [11]. Девушка просто не могла пренебречь желанием матери. Анна, скрепя сердце, приняла новый статус супруги, отдала свою жизнь человеку, к которому она испытывала страх. Теперь Анна уже будучи женой Александра Карамышева, она должна была совмещать в себе роль покорной дочери и примерной супруги и даже ставить женский долг выше дочернего, так как является членом другой семьи. Но Лабзиной, несмотря на все сложности, удается справиться с такой сложной задачей. Обратим внимание на эпизод, связанный с поездкой в карете: состояние матери ухудшилось и её нужно было доставить из деревни в город, женщину сопровождала дочь со своей семьей, но Карамышев запретил Анне ехать в одной карете с матерью. Мемуаристка, следуя законам поведения образцовой жены подчинилась воле супруга: «И тут началась первая моя горесть, что мне муж мой не позволил с ней сесть в карету, и я с горестными слезами повиновалась ему, ни слова не говоря» [11]. Нельзя не обратить внимание на нравственное воспитание Анна Лабзиной, девушка не может представить никаких отношений между мужчиной и женщиной кроме платонических. Об этом свидетельствует фрагмент, повествующий о кровосмесительной связи между А.М. Карамышевым и его племянницей Верой Алексеевной Мемуаристка вспоминает: «Пошла я посмотреть, спокоен ли мой муж, и нашла его покойно спящего на одной кровати с племянницей, обнявшись. Моя невинность и незнание так были велики, что меня это не тронуло, да я и не секретничала» [11]. Интересно то, что А. Лабзина в своих записках в принципе

избегает описание любых подробностей ее интимной жизни с мужем: «Любовь, о которой иногда говорят супруги, исключает интимность между ними. Карамышев выглядит абсолютно незаинтересованным в близости с Анной, которая со своей стороны стремится сберечь чистоту не только своих помыслов, но и тела» [18]. Представление супругов о морали кардинально различались. Если у Анны в приоритете была православная модель мира, то у Карамышева было совершенно иное представление о морали и о мироустройстве в целом, «идеал Карамышева можно назвать «новаторским». Его жизненные установки сформировались в Петербурге и за границей и опирались на принципы европейской культуры и морали «галантного» века... «Вольтеррианство» сочеталось у Карамышева с нравственною расхлябанностью старинного русского барина, не знающего удержу ни в одном, даже преступном, своём желании. Карамышев принуждал жену поздно вставать по утрам, есть скоромную пищу во время поста, словом отойти от исполнения православных правил поведения, что вызывало у девушки грусть и слезы: «Я несколько раз приносила ложку ко рту, – и биение сердца и дрожание руки не позволило донести ко рту; наконец стала есть, но не суп ела, а слезы, и получила от мужа моего за это ласки и одобрение; но я весь Великий пост была в беспокойстве и в мученье совести» [11]. К тому же муж тратил деньги семьи, пил и изменял жене, обратим внимание на то, что А.М. Карамышев не считал свои связи с другими женщинами изменой, так как эти девушки были девками, женщинами легкого поведения, то есть не равными по статусу Анне Евдокимовне, как его законной жене. Александр Матвеевич считал, что радости плоти отделены от духовных отношений: «Разве ты думаешь, что я могу тебя променять на тех девок, о которых ты говоришь? Ты всегда моя жена и друг, а это – только для препровождения времени и для удовольствия» [11]. По этой причине Карамышев не раз предлагал жене завести любовника: «Он посмотрел на меня с усмешкой и спросил: – Неужто ты считаешь грехом иметь, кроме меня, другого

мужчину, который бы заменил меня и от которого б ты могла иметь детей? Они бы были для меня любезны, потому что твои, и это бы самое меня успокоило. Я бы сам тебе представил того человека, в котором я могу быть уверен, что он сохранит сию тайну и твою честь. А о ком я говорю, я знаю, что он тебя любит. Неужто ты мне в этом откажешь?» [11]. Находясь в таком сложном положении, Анна Евдокимовна смогла сохранить свою честь и противостоять предложениям мужа. Конечно, образцовая жена не должна противиться воле супруга, но в контексте данной ситуации как раз противостояние таким кощунственным идеям, извращающим принципы христианской семьи, можно считать достойным поступком, «этико-религиозным противостоянием своему супругу» [20]. Обратим внимание на то, как мудро Лабзина поступала по отношению к своему мужу в тех или иных ситуациях, она действовала по наставлениям поэта и масона М.М. Хераскова. Херасков помог ей рекомендациями о том, как при неоднозначных поступках светского мужа, сохранить свою репутацию незапятнанной. Анна взяла себе за аксиому слова наставника, она всегда защищала мужа в глазах посторонних людей, например, вспомним эпизод, связанный с болезнью героини, когда её навещали друзья мужа. После того как они стали жалеть женщину и обличать Карамышева в непристойных поступках, то Анна тут же вступилась за него: «Ежели бы он вас любил, так бы не удалялся от вас на несколько дней; Другая бы жена на вашем месте ему отплатила тем же и не стала сокрушаться о беспутном муже!» – «Меня удивляет очень, как вы смели мне говорить о моем муже такие мерзости, о которых я и помыслить стыжусь, не только, что вам верить. Но опять-таки вам подтверждаю, что я не верю и никогда не поверю и знаю, что муж меня любит, и я его люблю и не требую от него, чтоб он беспрестанно был со мной» [11]. Отметим, что это был не единственный эпизод, где мемуаристка отстаивала честь своего супруга в обществе, насколько это было возможно. Благодаря внимательному рассмотрению воспоминаний А. Е. Лабзиной мы можем проанализировать,

какой тип воспитания соответствует образу «доброй» жены, который берет своё начало ещё в древнерусской книжности.

А. Лабзина синтезирует новое и старое, показан ряд сопоставления «земного» и «греховного» существования человека в сопоставлении уровней. Тема воспитания проходит сквозь весь текст воспоминаний Лабзиной, эта тема отличается от просветительских идей эпохи, отличается от агиографической трактовки проблемы. Самоопределение личности и духовное воспитание описывается в терминах масонской философии, что нашло отражение и в построении структуры. Субъектом действия в воспоминаниях А. Лабзиной становится душа героини, повествование выстраивается вокруг концептов внутреннего мира человека, такие приёмы использовались в масонских сочинениях XVIII-XIX вв. А. Лабзина создаёт мистический оригинальный текст с характерной тематикой: страдание души и её очищение, тема христианского долга, воспитание и духовное становление личности. В мистическом сюжете повествования в единое соединяются образы души женщины, находящейся в плену мирских страстей, и души, ищущей возвращения в себе «истинной христианки». Сюжетная линия пронизана мотивами слепоты и прозрения, истины и лжи, внутреннего и внешнего, света и тьмы. Происходит поиск духовного Я, поиск истины. Показан путь человека в мире реальных страстей, процесс самопознания, один из важнейших процессов в идеологии масонов, но этот процесс показан не в теоретическом или аллегорическом аспекте, а на примере реального человека – на примере собственной биографии автора [1, 3, 4].

В тексте повествуется о земных страданиях женской души, «Воспоминания А. Лабзиной» являются уникальными, несмотря на кажущуюся простоту.

Таким образом, рационалистический принцип мировосприятия подвергся ревизии в новых философских учениях, обратившихся к категории чувства и ощущения, как альтернативным разуму средствам

мировосприятия и миромоделирования. Прежде всего кризисность классицизма выразилась в пересмотре концепции личности – центральном факторе, определяющем эстетические параметры любого художественного метода [1, 3, 4].

Концепция личности, сложившаяся в литературе сентиментализма, диаметрально противоположна классицистической. Если классицизм исповедовал идеал человека разумного и общественного, то для сентиментализма идея полноты личностного бытия реализовалась в концепции человека чувствительного и частного. Высшей духовной способностью человека, органично включающей его в жизнь природы и определяющей уровень социальных связей, стала осознаваться высокая эмоциональная культура, жизнь сердца. Тонкость и подвижность эмоциональных реакций на окружающую жизнь более всего проявляется в сфере частной жизни человека, наименее подверженной рационалистическому усреднению, господствующему в сфере социальных контактов – и сентиментализм стал ценить индивидуальное выше обобщенного и типического [1, 3, 4].

Сферой, где с особенной наглядностью может раскрыться индивидуальная частная жизнь человека, является интимная жизнь души, любовный и семейный быт. И сдвиг этических критериев достоинства человеческой личности закономерно перевернул шкалу иерархии классицистических ценностей. Страсти перестали дифференцироваться на разумные и неразумные, а способность человека к верной и преданной любви, гуманистическому переживанию и сочувствию из слабости и вины трагического героя классицизма превратилась в высший критерий нравственного достоинства личности [1, 3, 4].

В качестве эстетического следствия эта переориентация с разума на чувство по-

влекла за собой усложнение эстетической интерпретации проблемы характера: эпоха однозначных классицистических моральных оценок навсегда ушла в прошлое под воздействием сентименталистских представлений о сложной и неоднозначной природе эмоции, подвижной, текучей и изменчивой, нередко даже капризной и субъективной, сопрягающей в себе разные побудительные мотивы и противоположные эмоциональные аффекты. «Сладкая мука», «светлая печаль», «горестное утешение», «нежная меланхолия» – все эти словесные определения сложных чувств порождены именно сентименталистским культом чувствительности, эстетизацией эмоции и стремлением разобраться в её сложной природе [1, 3, 4].

Следует подчеркнуть своеобразие русского сентиментализма. Русский сентиментализм возник на национальной почве, но в большом европейском контексте. Но, несмотря на генетическую связь русского сентиментализма с европейским, он вырос и развивался на русской почве, в другой общественно-исторической атмосфере [1, 3, 4].

Путь к достижению общественной гармонии состоит в совершенствовании внутреннего мира человека. Особая роль в эстетике сентиментализма отводится исследованию тайников человеческой души. Не случайно в жанровой системе нового направления наибольшую художественную ценность приобретают формы субъективно-исповедального плана, дававшие простор для анализа внутреннего мира личности, – интимная лирика, где центральное место заняли дружеское послание и элегия, а также эпистолярная, повествовательная проза и мемуарная литература [1].

Библиографический список

1. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века // Учебник для вузов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/236079/read> (дата обращения 07.01.2024).

2. Бухаркин П.Е., Гуськов Н.А., Матвеев Е.М. и др. История русской литературы и культуры XVIII века // Филолог. факультет СПбГУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://18vek.spb.ru/Archive/umk_3/module_1/3.html (дата обращения 08.01.2024).

3. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб.: Наука, 1994. – 288 с.

4. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
5. Фарафонова О.А. Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века // Научный диалог. – 2020. – № 11. – С. 281-295.
6. Кулакова И.П. История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. – 2015. – № 4. – С. 164-172.
7. Канашкина А.А. Правда и вымысел в «Записках княгини Е.Р. Дашковой, писанных ею самой» // Молодая филология: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т. – 2023. – Часть 2. – С. 5-12.
8. Канашкина А.А. Различия в интерпретации событий в мемуарах Е. Р. Дашковой и в биографическом очерке В. В. Огаркова: ININIUM Художественная литература: сб. статей. – Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т. – 2023. – Вып. 6. – С. 41-46.
9. Канашкина А.А. Трансформация представлений о женском и формирование традиций мемуарной литературы XVIII – начала XX вв. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 2-2 (77). – С. 114-120.
10. Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. – СПб.: О-во любит. др., 1913. – 52 с.
11. Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758-1828). – СПб.: Альфарет, 2011. – 200 с.
12. Фарафонова О.А. Житие, роман и анекдот как модели автоповествования в русских мемуарах второй половины XVIII века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Том 15. Вып. 2. – С. 287-291.
13. Мамаева О.В. Феномен женской автобиографической литературы в русской культуре второй половины XVIII – начала XIX века: дисс... канд. филол. наук. – СПб, 2008. – 253 с.
14. Мукаилова З.Г. «Записки» княгини Натальи Борисовны Долгорукой как портрет женской души: ININIUM Художественная литература: сб. статей / Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т. – 2021. – Вып. 4. – С. 95-100.
15. Анисимов Е.В. Дворцовые тайны // МногоСлов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mnogoslovs.ru/онлайн-библиотека/дворцовые-тайны-е-в-анисимов-2007> (дата обращения 07.01.2024).
16. Kalashnikova O.L. A Woman's Point of View: The Memoirs of N.B. Dolgorukaia // Russian Literature. 2014. V. 75. № 1-4. P. 249-264. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S030434791400012X?via%3Dihub> (date of application 08.01.2024).
17. Черенкова А.О. Идеальная женщина и примерная жена XVIII столетия, на примере воспоминаний А.Е. Лабзиной: ININIUM Художественная литература: сб. статей. – Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т. – 2021. – Вып. 4. – С. 91-95.
18. Вачева А.И. Мемуары Анны Евдокимовны Лабзиной: между житием и нравоучительным трактатом: Аониды: сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. – СПб.: Ин-т русской литературы РАН. – 2013. – С. 145-153.
19. Лотман М.Ю. Женский мир. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 412 с.
20. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дисс... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 56 с.

**ELEMENTS OF SENTIMENTALISM
IN RUSSIAN MEMOIR PROSE OF THE XVIII CENTURY**

A.A. Kanashkina, *Graduate Student*
Novosibirsk State Pedagogical University
(Russia, Novosibirsk)

***Abstract.** The article involves the transition from classicism to sentimentalism in Russian memoir prose, analyzes the manifestations of sentimentalism during the heyday of Russian memoirism in the late XVIII – early XIX century, identifies elements of sentimentalism in the memoir texts of Princess Natalia Borisovna Dolgoruky and Anna Evdokimovna Labzina.*

***Keywords:** memoir texts, sentimentalism, Russian literature of the XVIII century.*